

Пролог

В вагоне первого класса, следующем в Вену стоял полумрак. Пассажиров было немного – старый доктор, сопровождающий бледного юношу чахоточной внешности, видимо, своего пациента, двое молодых военных и господин средних лет с небольшим кожаным чемоданчиком. Выглядел этот пассажир довольно характерно. Вся его одежда была чёрной. На выбритом до синевы лице было расслабленное выражение полного спокойствия. Чёрные волосы с лёгкой проседью были тщательно уложены.

Поезд остановился на небольшой станции и в вагон вошёл толстый мужчина с двумя саквояжами и стопкой газет подмышкой. Толстяк явно хотел поболтать. Окинув вагон близоруким взглядом, он выбрал себе место рядом с господином...

- А я, знаете, - начал он, пристроив свои вещи на багажной полке, - не люблю путешествовать железной дорогой. Всегда волнуюсь как мальчишка. Всё-таки нет ничего надёжнее, чем старые добрые лошадки. А эти поезда... кто знает, что может случиться, ведь в любую минуту может отвалиться какой-нибудь болт или что там у них есть... Я Зептер – торговец фармакологическими товарами, - и толстяк протянул для знакомства руку.

- Инспектор полиции Дитрих, - ответил его попутчик, пожимая руку толстяку с выражением покорности судьбе, - я вам не советую особенно бояться железнодорожных путешествий, ведь колесо может отвалиться и у пароконного экипажа.

- Оно, конечно, так... - Зептер тревожно глянул за окно, пейзаж за которым начинал двигаться всё быстрее, по мере того, как поезд набирал скорость, - но всё-таки я предпочитаю проводить время в поездке в приятной беседе, чтобы не думать об опасностях пути. То, что я встретил вас, можно считать настоящим подарком судьбы, ведь я очень, очень уважаю работу нашей полиции! Если бы мне не суждено было унаследовать от отца семейную фирму, я бы наверняка стал полицейским.

- Подумать только, - пробормотал его спутник без всякого энтузиазма, но попутчик, ни капельки не смутившись, продолжал:

- Я всегда слежу за работой полиции, за расследованием наиболее громких дел, по прессе, разумеется. К счастью пресса сейчас в полной мере отражает самые интересные дела.

- О, да! – иронически вставил инспектор Дитрих.

Он хотел рассказать всё, что думает о журналистах, вернее, "об этих стервятниках", как он их сам называл, как он в принципе относится к вмешательству прессы в работу полиции, однако сдержался. Ему очень хотелось поговорить о чём-то, кроме убийства Франца Фердинанда в Сараево и теперь уже практически неизбежной войной с Сербией, за которую, вне всяких сомнений, вступится Россия, а уж вмешательство Германии и Франции в войну было делом практически решённым. Спокойной жизни Европы настал конец, и семьи инспектора это коснётся теперь напрямую - его сыну недавно исполнилось двадцать три, а значит, он наверняка будет призван в армию. Чёрт возьми, воевать против России? Это гибель! В далёкой юности инспектор разделял позицию Бисмарка, мечтавшего о союзе с Россией против Англии, мало того, сам Дитрих нередко писал, что Австрии неплохо было бы объединиться с Германией - они ведь говорят на одном языке, одной веры, а теперь у них будет и единая цель - ослабить Великобританию плечом к плечу с Россией... Теперь, увы, придётся воевать друг с другом.

- Вот вы следили за делом инсбрукской убийцы, господин инспектор? – продолжал толстяк, - возможно, вам даже удалось приложить свои силы к операции по её поимке... Помнится, я встречал в газетах вашу фамилию в связи с этим делом...

Инспектор внезапно выпрямился и резко спросил:

- Начнём с того, что дело засекречено... Но я так понял, оно всё ещё на слуху. В прошлом году заезжал один любопытный мадьяр, тоже интересовался этим делом... Да, наверное "ночные твари" не доставили мне за пятнадцать лет столько проблем, сколько эта... Волчица... За месяц. Это самое тягостное воспоминание в моей карьере. Ужас и омерзение от её поступка сменяются чувством дежа-вю - мне кажется, что я таких преступников уже видел, работал с ними! Когда я только начинал расследование, то мне казалось, что сотворил это вампир, настоящее чудовище, существо из Преисподней. И что же вы думаете? Этим "демоном" оказалась обычная гимназистка. Я изучил её биографию от и до, и не нашёл ничего примечательного - это не уличная оборванка, не ребёнок из пьющей семьи, не бродяга. Со времени её поимки я часто не сплю ночами. Мне всё время кажется, что такие волчата растут в каждой семье и ждут своего часа. Это первое такое дело в моей практике, но кто поручится, что последнее? Кто даст слово, что трагедия не повторится? - инспектор был эмоционален, активно жестикулировал и вертелся из стороны в сторону, как юла. - Верите, или нет, но

до недавних пор я сам волей-неволей воспитывал волчат. Сам. Моим детям, как и Анне, не хватало внимания с моей стороны, я ко всему относился безразлично, и кто знает, что стало бы с ними теперь... В какой-то степени это дело помогло мне трезво взглянуть на себя самого, на свою семью. Звучит странно, но я испытываю некую благодарность к нашей Волчице - если бы не она, Берта и Каспер так и росли бы одинокими волчатамиЮ жлуцкими своего часа.

Впечатлённый речью Дитриха, его попутчик около минуты молчал, переваривая всё сказанное. Надо было подготовить инспектора к столь неожиданной новости.

- Так вот, господин инспектор, я чего вам хотел сказать... Дело-то не закончено!

- Как это не законченно? - подскочил Дитрих, словно ему подпалили брюки. - Анна Зигель уже несколько лет находится в тюрьме по приговору суда!

- А вот как! – торжествующее проговорил господин Зептер, перекидывая своему попутчику одну из своих газет.

Через всю первую страницу протянулся заголовок: «Пожар в Дебреценской тюрьме! Массовый побег заключённых!»

Выражение неприятного изумления на лице инспектора было таким явным, что даже его недалёкий спутник не смог его не заметить.

- Значит, вы, господин инспектор всё-таки имели отношение к этой необычной злодейке? – с живейшим интересом спросил господин Зептер, - ведь это она устроила пожар в своей гимназии и сожгла заживо своих одноклассниц? Ещё потом, кажется, зарезала ножом двух малышей и застрелила директрису этой гимназии из револьвера?

Его попутчик помолчал, затем медленно проговорил, глядя в окно:

- Да, я вёл это дело. Я вам уже рассказывал.

- О! Как интересно! Может быть, вы поделитесь со мной некоторыми деталями, ведь дело уже закрыто и суд состоялся?

- Боюсь, что делиться уже нечем, - сухо проговорил его попутчик, - и как вы сами только что заметили, дело закрывать рано, Анна Зигель, возможно, опять на свободе и я бы не советовал вам попадаться у неё на пути - терять ей больше нечего.

Толстяк-торговец, видимо, обиделся. Но инспектору было не до него. Прикрыв глаза, он вспомнил то время, когда ему пришлось заниматься расследованием этого чудовищного преступления. Под стук колёс в памяти всплывали сцены допросов, следственные версии, голоса людей, страницы документов, события его собственной жизни в тот период, раскручиваясь в обратном порядке, как кинолента. Он вспомнил высокую, тяжеловатую, несмотря на её молодость, фигуру преступницы, её курносое лицо с тёмными глубокими глазами, дерзкую манеру разговора...

Кажется, он задремал. Вагон дёрнулся и стал сбавлять ход, подъезжая к станции. В станционной толпе пассажиры подходящего поезда сразу заметили что-то необычное.

Мальчишка-газетчик метался по перрону, размахивая пучком свежих газет и выкрикивая: «Экстренный выпуск!»

«Это о ней, об Анне Зигель», - подумал Дитрих и ошибся.

С этого дня страна на много месяцев перестала помещать на первые страницы портреты уголовных преступников, даже таких страшных, как Анна Зигель. Их заменили сводки с фронтов и списки убитых и раненых. Началась война.

Часть I

Глава 1. Философия убийцы

Наконец допотопная черная карета с узкими решетками вместо окон остановилась. Снаружи послышалась возня, дверца распахнулась, в глаза ударил солнечный свет, и я невольно зажмурилась. Последовала команда выходить, я поднялась с жесткой деревянной скамьи, спрыгнула на булыжную мостовую и огляделась.

Тюремный двор окружала высокая кирпичная стена, по верху которой тянулась скрученная спиралью колючая проволока. По углам стены торчали четыре

дозорные вышки, в которых стояли часовые с винтовками; с высоты они имели возможность видеть все передвижения по территории тюремного замка, и вряд ли на ней найдется укромный уголок, который бы они не контролировали. Должно быть, сверху все как на ладони: и главный корпус — мрачное четырехэтажное здание с толстенными стенами, глубокие окна которого больше напоминали бойницы; и приземистые бараки, по-видимому, предназначенные для тех заключенных, которым не хватило места в главном здании.

Обводя глазами двор, я остановила свой взгляд на тяжелых глухих воротах, их как раз в это время закрывал стражник в серой форме. Скрип ворот занозой вонзился в сердце: я в тюрьме, надолго, очень надолго.

Только после того, как ворота были заперты, конвоир приказал мне протянуть руки, чтобы снять наручники. Наконец-то! Когда их надевали, я пыталась возражать, но пока один охранник защелкивал на мне браслеты, другой вскинул ружье с таким серьезным видом, будто сейчас пристрелит, и мне пришлось заткнуться. Избавившись от тяжести стальных оков, я с облегчением потрясла руками и стала потирать покрасневшие запястья.

Затем те же конвойные проводили меня в главное здание. Я шла, будто во сне, и не слишком хорошо соображала, пока оформляли какие-то бумаги, потом выдавали мне тюремную одежду, вели до камеры...

Шагая перед охранником по мрачным коридорам, я старалась смотреть только в пол, избегая встречаться взглядом с заключёнными, которые с любопытством пялились на меня из окошек своих камер.

Я подняла глаза лишь после того, как за мной захлопнулась тяжелая обитая железом дверь.

Камера показалась мне довольно просторной, может оттого, что в ней никого не было. По углам высились трёхъярусные нары, посередине стоял небольшой стол, вокруг него простые деревянные скамьи. Напротив двери, под высоким, забраным решёткой окном невозмутимо копошилась здоровенная серая крыса. По выкрашенным мерзкой темно-зеленой краской стенам шустро сновали рыжие тараканы, размером с ноготь, не меньше.

«Прямо как дома», — невесело усмехнулась я.

Я подошла к нарам слева и только собралась расположиться, как из противоположного угла послышалось хрипение и кашель. От неожиданности я

вздрагнула и оглянулась. Оказалось, что в камере я не одна, просто моя подруга по несчастью лежала на своих нарах так тихо, что поначалу я ее и не заметила. Перевернувшись на спину, женщина негромко выругалась по-немецки, а затем, уже по-венгерски, спросила:

— Эй, кто здесь?

— Я...

; Я?.. Хороший ответ, — усмехнулась она, не поворачивая ко мне головы, так и пялясь в потолок. ; Ну и кто ты такая?

— Ну, я... — отчего-то я оробела и запнулась, глядя на фигуру на нарах.

Наконец моя сокамерница соизволила повернуться лицом ко мне и, подперев рукой голову, спросила:

— Новенькая, что ли?

— Да.

— Оно и видно! — усмехнулась заключённая. — Ишь, какая ; гладкая, личико сытое... Ничего, посидишь здесь и через пару лет станешь такой же, как я.

Женщина нервно расхохоталась. Смех у нее был неприятный, лающий.

Отсмеявшись, она умолкла, и я смогла хорошо рассмотреть бедолагу.

Ее белое, как бумага, изможденное лицо имело землистый оттенок, видимо, из-за недостатка света; над запавшими щеками выдавались довольно широкие скулы, а небольшие серые глаза казались застывшими и безжизненными, как у замороженной рыбы. Бледные губы были тонкими, причем нижняя челюсть немного выдавалась вперед, что придавало лицу угрюмое выражение. Прядь сальных волос, выбившаяся из-под серой тюремной косынки, прилипла ко лбу. На запястье левой руки намотана грязная повязка с бурыми пятнами крови; пальцы испещрены многочисленными ссадинами и шрамами. Она выглядела тощей до невозможности — все косточки можно пересчитать. Мне казалось, что в камере не так уж холодно, однако женщина оставалась в арестантской куртке из грубого сукна, которая болталась на ней, как на вешалке. Растоптанные

башмаки, валявшиеся под нарами, явно не соответствовали ей по размеру и скорее подошли бы взрослому мужчине, но, по-видимому, женщина привыкла к ним, как привыкла к решеткам на окнах, отсыревшим стенам, грязи, крысам, тараканам, паразитам и другим неприятным вещам, которые имеются в любой тюрьме.

Два года, сказала она? Значит, эта женщина находится здесь ещё больше? Впрочем, она, скорее, не женщина, а девушка, просто выглядит старше своих лет. С первого взгляда мне показалось, что ей не меньше тридцати, но сейчас я поняла, что едва ли она старше меня.

Интересно, кто она, как оказалась за этими толстыми стенами и за что попала сюда? Говорит таким тоном, будто не надеется выйти никогда... Что же такое она совершила? Должно быть, её вина посерьёзнее разбоя, за который меня приговорили к десяти годам тюрьмы с постоянными вывозами на тяжёлые работы. Хорошо хоть тюрьма в Дебрецене, не так далеко от дома. Может, и сумею пережить все эти годы — ведь Эрик обещал часто навещать меня.

Сокамерница продолжала лежать все в той же позе, уставившись неподвижным взглядом в какую-то точку над моей головой, и вдруг спросила своим хрипловатым голосом:

— Тебя как звать-то, новенькая?

— Ники. Ники Фенчи, — с готовностью ответила я. — А тебя?

— Анна, — вздохнула сокамерница, — Анна Зигель. Слыхала о такой?

— Нет, — отчего-то смутилась я.

— Хм-м... А я-то думала, что моё имя раструбили на всю Австро-Венгрию... Тебя за что упекли?

— Разбой. Одного ювелира обокрала, на очень приличную сумму.

Анна смерила меня взглядом, будто оценивая, и усмехнулась.

— Ха, ну ты даёшь! А я вот гриль кое из кого приготовила.

— Какой гриль? — не поняла я.

— Как какой? Люди-гриль, слыхала о таком блюде? Я их поджарила... Поджарила... — Анна истерично захохотала, и все не могла остановиться, будто в припадке.

Я смотрела, как она захлебывается от смеха, пока не сообразила:

— Так ты здесь за поджог?

Анна вдруг прекратила смеяться, молча кивнула и проговорила с долей гордости:

— В один прекрасный день я сделала мир чище, зажарила людишек в своей гимназии! За это меня собирались казнить, представляешь?! Вот только шиш им!

— Анна потрясла грязным кулачком и по ее лицу скользнула злорадная ухмылка. ; Я тогда еще несовершеннолетняя была. Вот почему я здесь. Тебе который год?

— Двадцать один уже, — тихо ответила я, — на прошлой неделе исполнилось.

— Да мы ровесницы! — будто обрадовалась Анна. — А откуда ты?

— Вообще-то я из Залаэгерсега, а так — из Будапешта.

— Повезло тебе, — хмыкнув, покивала Анна, — от дома совсем недалеко. А меня вот сначала потащили из Инсбрука в Вену, потом ещё чёрт знает в каких местах держали, пока, наконец, не довезли до Дебрецена. Поверь, это ещё не самое худшее место из тех, где ты могла бы провести свои юные годочки. И вообще, можешь считать, что тебе вдвойне повезло. Сегодня работать не заставят, только завтра погонят, прямо с утра.

— А ты почему не на работе?

— Тебя это так волнует? — бледные губы Анны саркастически искривились, и вдруг она крикнула со злостью: ; Не твоё дело!

Я пожала плечами.

— Конечно, не моё. Я просто спросила...

Анна ничего не ответила, коротко вздохнула и внезапно поинтересовалась:

— Тебе передачи есть кому носить?

— Да, — уверенно кивнула я. — У меня есть братья и сёстры, они обещали, что не оставят меня.

— Будешь делиться? — с плохо скрываемой жадностью спросила заключённая.

— Буду, — спокойно ответила я.

После этого Анна заметно повеселела, уже не выглядела такой унылой и осунувшейся. Она соскочила с нар и принялась расхаживать по камере, от окна до двери и обратно, насвистывая что-то себе под нос.

А я наоборот, внезапно ощутила, что на меня наваливается жуткая усталость, реакция на то, что мне пришлось пережить за последнее время. Совсем недавно я понятия не имела, что меня ждет и вот теперь оказалась в страшной тюрьме, где мне предстоит провести много лет. Анна продолжала мерить шагами камеру, не обращая на меня внимания, поэтому я скинула башмаки и прилегла на нары.

Когда закрыла глаза, реальность как будто отодвинулась от меня. С закрытыми глазами можно вообразить, что я у себя дома, а вовсе не в сырой камере за толстыми стенами мрачного тюремного замка; и не было ни ареста, ни пыток, ни суда, ни приговора, ни того злополучного аукциона... Я до сих пор не верила, что все это случилось со мной.

Интересно, нашли ли они алмазы? Спросить об этом у Эрика я не решалась, ведь мои письма наверняка читают, и тогда ему несдобровать. А алмазы... Эти алмазы — целое состояние! Сверкающие, огромные, размером чуть не с перепелиное яйцо. Одного такого наверняка хватит, чтобы жить припеваючи и не работать хоть до самой смерти! А вдруг полиция все-таки обнаружила тайник в моей квартире? Нет-нет! Об этом даже думать невозможно!

Мои размышления прервал хриловатый голос Анны:

— Ты здесь особо не раздевайся — закусуют.

— Кто закусает? — не сразу поняла я.

— Клопы. Их тут знаешь сколько? У-у-у... Тысячи, а может и миллионы. Кровопийцы вонючие! Ну да ничего: поначалу, конечно, чесаться будешь, а потом привыкнешь.

— Спасибо за предупреждение, — с плохо скрываемым сарказмом ответила я.

Анна лишь пожала плечами и сообщила:

— Однажды я задумала очистить свою камеру от клопов, и очистила! А они меня за это в карцер упекли!

— Почему?

— Это когда я еще в следственной тюрьме сидела, ; с удовольствием человека, который слишком долго молчал, принялась рассказывать она, ; очень уж там клопов много было. Жирные, злющие, кусачие — страсть! Ну я и придумала, как от них избавиться. Растеребила свой матрас, разбила лампу и... того... Он мигом загорелся... Светло стало, точно днём!

Глаза Анны блеснули, она расхохоталась и долго не могла остановиться, все смеялась и приговаривала: «Поджарила их, поджарила!»

Я смотрела на нее с невольным сочувствием. Может, она сумасшедшая?.. С трудом верилось, что передо мной самая опасная обитательница тюрьмы, на совести которой несколько человеческих жизней. Наверное, другие заключенные боятся попасть в одну камеру с Анной, но почему-то я совершенно не испытывала страха перед ней. А может, меня специально подселили к Анне, именно с тем, чтобы надавить на меня, узнать, где спрятаны алмазы? Ведь этого от меня добивались все время.

В следственной тюрьме мне довелось перенести многое: меня пытали, избивали, порой не давали спать по ночам. Меня держали в какой-то тесной душной камере. В длину она была четыре шага, а в ширину всего два, и напоминала гроб, в котором меня специально похоронили заживо. Кормили всего один раз в сутки, таким мерзким варевом, от которого и свиньи бы отказались. Бывали дни, когда я впадала в отчаяние и всерьез сомневалась, что доживу до суда... Во время избиений на допросах полицейские сломали мне два ребра, я еле передвигалась, каждый вздох отдавался невыносимой болью в груди, но несмотря на это меня ежедневно таскали к следователю, а этот гад с черными буравящими глазками все задавал и задавал свой единственный вопрос: «Где алмазы?» Я всегда отличалась упрямством и не хотела отказываться от прекрасного будущего, которое ждет меня, когда я выйду из тюрьмы. Видя, что ему от меня ничего не добиться, следователь приходил в ярость, кивал своему подручному и на меня опять сыпались десятки ударов. От боли я теряла сознание и тогда меня опять водворяли в похожую на гроб камеру. То, что я вообще осталась жива после